

СИМВОЛИКА БАРАНА В ОГУЗО-КИПЧАКСКОЙ ТРАДИЦИИ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В КУЛЬТУРАХ СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ

Искандерова А., к.и.н.

Научный эксперт Тюркской Академии

(Астана, Казахстан)

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.21056057>

Аннотация: В статье рассматривается символика барана в огузо-кипчакской традиции и её отражение в культурах сопредельных регионов Евразии. На основе материалов полевых исследований, проведённых на территории Мангистауской области Казахстана, а также археологических, исторических и этнографических данных анализируется роль образа барана в духовной культуре тюркских народов. Особое внимание уделяется памятникам Джанкента и Сортобе, где выявлены культовые объекты и орнаментальные мотивы, связанные с культом барана. Прослеживается распространение данной символики от Центральной Азии до Монголии, Закавказья и Анатолии. Сделан вывод о том, что образ барана являлся важным элементом сакральных представлений, выполнял функции защиты, символизировал плодородие, воинскую доблесть и родовую идентичность, а также выступал маркером культурной преемственности в тюркском мире.

Ключевые слова: огузы, кипчаки, баран, культ барана, тюркская культура, Джанкент, Сортобе, погребально-поминальные памятники, символика, сакральные представления, кочевые общества, этнокультурные традиции.

Annotatsiya: Maqolada o‘g‘uz-qipchoq an‘analarida qo‘y (baran) ramzi va uning Yevrosiyaning qo‘shni hududlari madaniyatlarida aks etishi tahlil qilinadi. Qozog‘istonning Mang‘istov viloyatida olib borilgan dala tadqiqotlari,

shuningdek, arxeologik, tarixiy va etnografik ma'lumotlar asosida qo'y obrazining turkiy xalqlar ma'naviy madaniyatidagi o'rni yoritiladi. Ayniqsa, Jankent va Sortobe yodgorliklarida aniqlangan qo'y kulti bilan bog'liq topilmalar hamda bezak motivlari tahlil qilinadi. Mazkur ramziyatning Markaziy Osiyo, Mo'g'uliston, Kavkazorti va Anadoligacha tarqalishi ko'rsatib beriladi. Tadqiqot natijasida qo'y obrazi hosildorlik, himoya, jasorat va urug'-qabila birligini ifodalovchi muqaddas timsol bo'lib, turkiy dunyoda madaniy davomiylikning muhim belgilaridan biri ekanligi asoslanadi.

Kalit so'zlar: o'g'uzlar, qipchoqlar, qo'y kulti, baran ramzi, turkiy madaniyat, Jankent, Sortobe, dafn va xotira yodgorliklari, ramziyat, sakral tasavvurlar, ko'chmanchi jamiyatlar, etnomadaniy an'analar

Abstract : The article examines the symbolism of the ram in the Oghuz-Kipchak tradition and its reflection in the cultures of neighboring regions across Eurasia. Based on field research conducted in the Mangystau Region of Kazakhstan, as well as archaeological, historical, and ethnographic evidence, the study analyzes the role of the ram image in the spiritual culture of Turkic peoples. Particular attention is paid to the archaeological sites of Jankent and Sortobe, where cult objects and ornamental motifs associated with the ram cult have been identified. The paper traces the dissemination of this symbolism from Central Asia to Mongolia, the South Caucasus, and Anatolia. It concludes that the ram served as an important sacred symbol representing fertility, protection, martial valor, and clan identity, while also functioning as a marker of cultural continuity throughout the Turkic world.

Keywords: Oghuz, Kipchaks, ram symbolism, ram cult, Turkic culture, Jankent, Sortobe, funerary and memorial monuments, sacred symbolism, nomadic societies, ethnocultural traditions, cultural continuity.

В рамках полевых исследований в Мангистауской области Республики Казахстан, организованных Тюркской академией, проведена комплексная

разведка погребально-культовых памятников огузо-кипчакского периода. Полевой маршрут протяжённостью около 1900 км позволил осуществить систематическое обследование памятников, зафиксировать их современное состояние, уточнить типологические и хронологические характеристики, а также собрать материалы для последующего анализа погребально-поминальных практик кочевого населения региона. В ходе работ обследовано 18 объектов, включая некрополи, подземные мечети и культово-мемориальные комплексы. Применённый комплекс методов (визуальное обследование, фотофиксация, описание и GPS-картирование) обеспечил создание актуальной базы данных по состоянию памятников и их пространственной организации.

Историко-археологические данные подтверждают, что в IX–XI вв. огузы занимали ключевые позиции в политическом и культурном пространстве степей Западного Приаралья и Северного Прикаспия. Сформировав мощное племенное объединение с центром в Янгикенте, они оказали значительное влияние на процессы этнокультурного развития тюркоязычных народов Центральной Азии. Этногенез огузов представлял собой сложный процесс взаимодействия местных и пришлых тюркоязычных групп, что отразилось как в материальной культуре, так и в системе религиозно-мифологических представлений.

Особое значение для реконструкции духовной культуры огузов имеет городище Джанкент, где в результате археологических исследований выявлен комплекс материалов, отражающих синкретизм утилитарных и сакральных функций предметного мира. Среди находок особый интерес представляют керамические изделия с зооморфными изображениями, в частности мотив барана, интерпретируемый как один из ключевых символов благополучия, плодородия и сакральной защиты. Эти данные позволяют

рассматривать образ барана как важный элемент культовой системы огузского населения Нижнего Сырдарьинского региона.

В традиционной культуре тюркских народов баран выступал многозначным сакральным символом, объединяющим хозяйственные, ритуальные и мифологические представления. Его образ связывали с жертвенными обрядами, плодородием, силой и храбростью воинов, властью, а также с представлением о священной жизненной энергии «кут». Археологические и этнографические данные свидетельствуют о широком спектре его ритуальных функций: от жертвенных практик до использования в качестве оберега и знака благополучия рода. В этой системе представлений баран выступал не только как объект хозяйственной деятельности, но и как проводник между человеком и сакральным миром.

Археологические комплексы Сортобе и Джанкента дают важные свидетельства существования культа барана в огузской среде. Обнаруженные здесь протомы барана, размещавшиеся в алтарных зонах жилищ рядом с очагом, интерпретируются как культовые объекты, связанные с представлениями о покровительстве предков, родовой защите и сакральной жертве. Их орнаментальное оформление отражает устойчивую систему символов, включающую мотивы «қошқар мүйіз», «төртгүл», а также растительные, птичьи и геометрические элементы. Орнаменты отражают основные представления о том, как устроен мир: о жизни и её циклах, связи поколений, порядке в мире и защите от злых сил через ритуалы.

Широкое распространение иконографии барана в тюркском мире подтверждается материалами различных регионов Евразии. Особое место занимает комплекс Шивээт-Улаан в Центральной Монголии, где каменные изваяния баранов включены в структуру культово-поминального ансамбля наряду с родоплеменными тамгами. Отсутствие развитой эпиграфической традиции и преобладание символических маркеров позволяют рассматривать

данный комплекс как важный источник по реконструкции этнополитической структуры древнетюркских объединений. В совокупности с орхонскими памятниками он демонстрирует различные формы фиксации исторической памяти – текстовую и символично-визуальную.

Аналогичные традиции фиксируются в Азербайджане, где в XIII–XV вв. получили распространение каменные изваяния баранов и лошадей, связанные с погребальной практикой тюркских сообществ. Эти памятники, зафиксированные исследователями, отражают синтез исламской мемориальной культуры и более ранних тюркских представлений. Образы барана («гоч») здесь выступают маркерами социального статуса, воинской доблести и родовой принадлежности.

В Анатолии надгробия в форме баранов, связываемые с эпохой туркоманских династий Ак-Коюнлу, и Кара-Коюнлу, фиксируют перенос и развитие той же традиции в условиях Малой Азии. Орнаментированные каменные изваяния, нередко сопровождаемые изображениями оружия и эпиграфическими надписями, свидетельствуют о сохранении символики барана как знака силы, героизма и сакральной защиты. Такие памятники являются частью общей традиции Евразии, которая берёт начало у кочевых народов Центральной Азии. В Закавказье аналогичные формы фиксируются на территории Армении (Уруд, Сисианский район), где каменные изваяния баранов датируются преимущественно концом XVI в. и связаны с тюркской погребальной традицией. Эти памятники демонстрируют устойчивость символического комплекса, объединяющего представления о родовой идентичности, сакральной защите и поминальной функции.

Таким образом, совокупность археологических, исторических и этнографических данных позволяет рассматривать образ барана как один из ключевых элементов духовной культуры тюркских народов. Его устойчивость на огромной территории – от Монголии до Малой Азии и

Закавказья – свидетельствует о длительном существовании единого символического кода, отражающего общность мировоззренческих представлений кочевых обществ. В этом контексте культ барана выступает важным маркером культурной преемственности, соединяющим погребально-поминальные практики, художественные традиции и систему сакральных значений тюркского мира в средневековый период.